

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕЧАТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 27 (255) 11 июня 1933 ГОДА.

ЦЕНА 20 К.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрицко, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

А. Луначарский

Мысли о мастере

1. Основа мастерства

Мастер (мастер, магистер) — это значит учитель. В области искусства, прежде всего в области художественной литературы, мастера являются такими же учителями, какими были и есть великие ученые, публицисты в своей области. Тех и других можно назвать также же мастерами.

Для того чтобы быть мастером в определенном смысле этого слова, нужно прежде всего обладать большим и правдивым опытом. Мастер — это человек, который своей житейской мудростью в самом широком и глубоком смысле этого слова превосходит не только средних своих современников, но и высший слой. Это человек, выдающийся по степени своего понимания жизни и природы.

Мастер захватывает в своем опыте окружающее весьма широко. Это не человек, который знает одну какую-нибудь специальность, какую-нибудь узенькую подложку жизни. Это человек, который своим взглядом охватывает чрезвычайно широкие перспективы. Вместе с тем мастер воспринимает окружающее с необыкновенной глубиной. Иногда небольшая фактура раскрывается для него как огромный, значительный, как показатель чрезвычайно важных и скрытых явлений. Глубина восприятия предполагает также восприятие явлений в их взаимной связи; воспринимать природу и жизнь (общественную и индивидуальную) тлущо, это значит видеть живую связь вещей как в пространстве, так и во времени, видеть в прошлом корни настоящего, видеть, как разветвляется тот или иной элемент этого настоящего, чем оно становится для будущего.

Само собой разумеется, что широта и глубина опыта может явиться громадной силой, громадным благом лишь в том случае, если она до конца освоена. Вне освоенности этого опыта нельзя даже себе его мыслить. Мастер носит в себе, так сказать, картину бытия в его развитии, картину гораздо более ясную, чем та, которая разветвляется в действительности перед взором любой индивидуальности читателя. Мастер — это обладатель индивидуального и индивидуального именно потому, что он выше ростом окружающего; потому он и может учить их, что он больше знает, яснее понимает, но вместе с тем, его оригинальность никогда не может быть уродством, капризничанием, чем-то находящимся вне нормального человеческого, наоборот, сила мастера заключается в том, что он, так сказать, нормальное обыкновенных людей, т. е. в том, что он раньше других и лучше других видит объекты в их связи, именно видит их так, что когда другие вслед за ним знакомятся с его воззрениями на вещи, они сразу чувствуют, что обоняли эти вещи, постигли их объективную, правдивую, чем прежде.

Все, что выше сказано, является необходимой предпосылкой для того, чтобы быть учителем, вождем, мастером. Для политического вождя и особенно крупнейшего кадра, т. е. такого, который должен быть вместе с тем и теоретиком

ком общественной жизни, — это само собой разумеется.

Всякий понимает, что Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин прежде всего потому вожди, потому мастера широчайшего житейского творчества, что они обладают этим четким миропониманием, широко и глубоко охватывающим действительность. Относительно художника это не совсем ясно. Многие думают, что центр художественного мастерства заключается в форме, в способности особо изящно и красиво выразить, — все равно словами, звуками или красками. Между тем, это не так. Художник, которому нечего выразить, художник, житейский уровень которого не выше окружающих, не может быть мастером даже в том случае, если он обладает хорошим «слобом».

Писать приятную музыку или привлекательную картину — это, конечно, тоже искусство, но это не будет мастерство, это не будет достойно быть зачисленным в художественные произведения первого ранга, ведущие, действительно обогащающие человеческую культуру.

Еще раз настоячивым образом повторю: без этого запаса мудрости, знания вещей, без этого прелюбопытства — мастер быть не может, но мастер-учитель имеет своим естественным дополнением учеников, аудиторию, публику, которая расширяется иногда до миллионов и даже до всего человечества, переходя порой границы класса, эпохи, нации, к которым реально обращается данный художник.

Учитель учит. В процессе этого учения одним моментом является знание учителя. Он знает больше других. Без этого не может быть преподавать, т. е. умение эти свои знания реально, целостно передать своей аудитории.

2. Мастерство выражения

Мастерство выражения не совпадает с так называемой легкостью. Строго говоря, ни один мастер не может быть предельно легким, т. е. давать такие произведения, которые принимаются публикой без всякого труда. Наоборот, если будем придерживаться для нас наиболее интересной области — художественной литературы, — то автор, который пишет книгу, воспринимаемую читателем без всякого труда, есть представитель легкого чтива, отнюдь не мастер.

Иногда высказано ясно, что мастер пишет свою книгу (или свою статью) для того, чтобы поднести ее читателю, для того, чтобы сделать его в чем-то сильнее, мудрее. А для этого читатель сам должен известным образом работать. То высокое наслаждение, которое получает сознательный читатель от чтения мастерского произведения, получается из слияния двух ощущений: своей собственной работы, известного преодоления трудностей, ощущения, что он расширяется, вырос, а также из неосознанного констатирования, что эти результаты он достиг, хотя и не без труда, но гораздо легче, чем при обычных условиях.

Мастерство выражения заключается в том, чтобы передать содержание

Для художника это дело выглядит не совсем так, как для политического вождя, и очень отличается от простой педагогики, к сравнению с которой мы только что прибегли. Мастер-художник — это такой человек, миропонимание которого складывается для него самого в огромное количество образов, группирующихся в целые системы по его слову, согласно тем определенным, тем детерминатам, которые он вводит в этот свой мир образов, для того чтобы переписать из него и организовать то, что ему нужно для данной цели.

Надо отговориться, что как мастер науки, мастер житейской практики, так и мастер-художник в течение своей жизни переходит от одной темы к другой. Эти темы могут в нем зародиться в результате естественного роста его внутреннего мира. Одна тема может переходить другую, но так же точно возможно, что темы эти, так сказать, навязываются художнику какими-нибудь значительными событиями, происходящими во внешнем мире, и ощущаемой им потребностью «публичности» в получении, в разъяснении именно в таком-то конкретном смысле.

Как бы то ни было, если основной художественный мастерства является обладание данной личностью широким, глубоким и ясным миропониманием, то другой стороной этого мастерства будет умение его передать, зарыть им (как говорил Толстой). Это слово выбрано не плохо, потому что задача художника в отличие от ученого заключается в том, что, раскрывая свои истины через посредство системы образов, он действует не только и не столько на интеллект, как на эмоцию, вызывает симпатию и антипатию, доходящие в некоторых случаях до преданной любви или жадной ненависти и являющиеся тем самым стимулом тех или иных поступков.

жание совершенно адекватно, ни чего из него не изучив, не оброну, не обедин. Сделать же это нужно таким образом, чтобы для читателя достижение этой новой высоты понимания было настолько легким, насколько это только возможно без снижения содержания.

По этому поводу надо сказать несколько слов о форме и содержании. Беспредельно нам повторяют, что форма и содержание совпадают, что это одно и то же. Это, конечно, верно, но лишь в известных условиях; если неверно применять эту верную мысль, то можно превратить ее во вредное положение.

Тот или другой молодой писатель может подумать, что если он овладеет известным содержанием, то тем самым дана ему форма. Между тем, это вовсе не так. Целые классы переживают определенную линию развития в смысле взаимоотношения содержания и формы. Уже в значительной мере овладев своим содержанием, они еще идут форм, они впадают часто свое новое содержание в старые формы, подражательно заимствованные у предыдущих классов, или в стремлении к оригинальности оказываются

Окончание см. страницу 3.

ФАШИЗМ И КУЛЬТУРА

Готический алфавит

Германский министр Фрик объявил, что латинский алфавит никак не выражает сущности немецкого духа и что в школах все предпочтение должно быть отдано готическому алфавиту.

Как-безразлично

Министр Готтселе заявил представителю театров: «Как пропаганда достигает своей цели — безразлично. Нам интересен не эстетика, но успех».

Дела остаются делами

Союз немецких книгопродавцев опубликовал декларацию. Союз сначала приветствует национальное возрождение и отмечает, что за все время своего существования во главе союза не находились «люди чуждой нам расы». После этого союз переходит к житейским вопросам. Во имя поднятия духа новой Германии союз требует закрытия библиотек, которые выдают подписчикам книжные новинки, и запрета «книжных клубов», которые выписывают книги из-за границы от издателя, минуя книготорговцев. Оказывается, «библиотеки и «книжные клубы» — учреждения «безразличнейшие».

Виктор Маргерит

6 мая 1933 года на 26 году жизни убит китайской полицией писательница Тин Лин.

Под влиянием своего мужа Ху Иен-Лина, одного из основателей Лиги левых писателей Китая, члена компартии, казненной в 1931 году вместе с 23 китайскими революционерами, Тин Лин вступила в 1932 году в компартию.

В лице Тин Лин китайская революционная литература потеряла талантливую писательницу.

АЛЕКСАНДРУ ШИРВАН-ЗАДЕ

Александр Ширван-Заде, народный писатель Армении, в день своего 75-летия — братский привет. Трудящиеся Страны советов знают вас как талантливейшего советского художника Закавказья. Произведения ваши войдут в сокровищницу советской литературы народов СССР. Желаем бодрости, неиссякаемой творческой энергии в деле создания литературы, национальной по форме, социалистической по содержанию, вдохновляющей миллионы трудящихся закавказья на построение бесклассового социалистического общества.

ВЕСОЮЗНЫЙ ОРГКОМИТЕТ

Всесоюзный оргкомитет союза советских писателей приветствует вас, пламенный революционер, певца революции советского Востока в день тридцатилетия готической творческой работы.

Ваши стихи, песни воодушевляют широкие трудящиеся массы Средней Азии на борьбу за построение бесклассового социалистического общества.

Желаем дальнейшей плодотворной работы в деле создания поэзии национальной по форме, социалистической по содержанию, понятной миллионам трудящихся народов Востока.

ОРГКОМИТЕТ ССП СССР

30 ЛЕТ ПОЭТИЧЕСКОМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Т. ЛАХУТИ

Всесоюзный оргкомитет союза советских писателей приветствует вас, пламенный революционер, певца революции советского Востока в день тридцатилетия готической творческой работы. Ваши стихи, песни воодушевляют широкие трудящиеся массы Средней Азии на борьбу за построение бесклассового социалистического общества. Желаем дальнейшей плодотворной работы в деле создания поэзии национальной по форме, социалистической по содержанию, понятной миллионам трудящихся народов Востока.

Виктор Маргерит

ЗА НОВЫЙ СТРОИ

о борьбе за союз (теперь еще более необходимый, чем всегда) всех трудящихся против сил эксплуатации и смерти, я должен был сказать вам все это, чтобы вы поняли, почему я кричу вместе с вами: «Да здравствует коммуна и долгой убиства!»

Хотя я не принадлежу к коммунистической партии, да и ни к какой другой, я как человек независимый стремлюсь к тому же идеалу освобождения человечества. Не входя в ту или иную группу, я могу удостовериться, что в современных условиях рабочий класс может взять власть и удержать ее в своих руках для начала только путем применения силы.

Пусть «проклятым заклейменным» всего мира соединят свои руки и пусть руки их сожмутся в кулак!

Для того чтобы прекратить свое существование эгоистический национализм и чтобы утвердилось человечество, прежде всего надо сорвать маску с псевдомонократов, чтобы все увидели отвратительный двуличный современный облик капитализма и войны.

Я считаю, что этого можно достигнуть только путем немедленного подготовительного сотрудничества, в котором должны участвовать все — не только искренно — если и не одним и теми же средствами, но движимые общим чувством. И тем быстрее и вернее мы увидим, как раскроется на солнце некое ничтожество в 1871 году. То кроваво коммунаров в Лондоне. То красное знамя, пурпур которого и

Виктор Маргерит

Москве волнующим саваном покрывает тело Ленина. То знамя, жемчужный дым которого скоро заставит развалиться над всеми границами эмлому продлртаратсерп и молот. Эти серп и молот изворащонно работают в Европе, Азии на общем поле и на стройке, для того чтобы взамен старого строя привели в мирное существование скорее наступил новый строй, основанный, наконец, на благополучии всех и на единственных подлинно ценных законах справедливости и солидарности.

Письма из Ленинграда

Перед съездом

Подготовка к всесоюзному съезду писателей в Ленинграде развернулась более активно, чем в другом литературном центре. Но нельзя сказать, чтобы она до сих пор получила необходимых размах, охватывала достаточно широко литературный актив, объединяя ленинградских оргкомитетом.

В сущности из намеченного плана проведена лишь дискуссия о молодой прозе. И только сейчас оргкомитет использовал отсрочку в составе съезда, организует в июне работу, обещающую быть чрезвычайно интересной дискуссией о художественном слове. Она отложится от статьи М. Горького («О прозе»), начатая в первом альманахе «Год шестнадцатый».

Внеурные, после долгого перерыва, вызванного болезнью, на трибуне литературной дискуссии появится К. А. Федин, делающий вступительное слово.

Тема второй дискуссии, которая будет введена в июле, — социалистический реализм. Эта дискуссия откроется докладом А. Камегулова, построенным на творческом материале ленинградских писателей.

В предсъездовский период ленинградский оргкомитет решил провести интересную работу по изучению отзывов рабочих-читателей в книгах писателей Ленинграда. Для

изучения этого «социального отклика» писательские бригады будут направлены на заводы, в колхозы и красноармейские части.

Наконец, большое мероприятие, которое после долгих задержек развертывает оргкомитет ленинградских писателей, — это смотр поэтического участка. Пожалуй, во многом надо согласиться с т. Н. Брауном, который на последнем заседании президиума оргкомитета резко протестовал против недопустимого невнимания к вопросам поэзии со стороны критики, редакции, издательства и... самого оргкомитета.

Целым рядом ярких фактов т. Брауну проиллюстрировал свою «обвинительную речь». Не так давно в Ленинград был вывешен том стихов Н. Тихонова. 1500 экземпляров — таков был мизерный тираж издания. Они разошлись буквально в несколько дней. Тогда Ленинградский оргкомитет проявил интерес к поэтическому творчеству Тихонова, выпустил второе издание, и опять тиражом в 1500 экземпляров. Конечно, в данном случае мы имеем дело с «тиражным головоутомлением». Но как объяснить такой факт: из 25 книг ленинградских поэтов, вышедших в последнее время, ни одна не нашла развешенного критического анализа в ленинградских журналах; вечер А. Прокофьева — единственный поэтический вечер, организованный оргкомитетом, прошел при банальном отсутствии большинства членов оргкомитета и критического актива.

Сообщение Н. Брауна вызвало оживленное обсуждение. Прозанки и критикам в конце концов пришлось отказаться от предлагаемого ими «рецепта» использования для критической работы в области поэзии «самостоятельность» поэтов, так сказать «внутренние ресурсы» поэтической силы.

Начинаемый смотр поэзии должен оживить поэтический участок, привлечь к нему внимание всей литературной общественности. Вместе со смотром, по решению ленинградского оргкомитета, будет создана самостоятельная секция поэтов.

«Поднятая целина» М. Шолохова продолжает служить темой ожив-

ленных споров. Интересно прошла дискуссия в Институте литературы и искусства ленинградской Комакадемии. Отметим, что среди ораторов и слушателей находилось не мало представителей экономического, аграрного, философского и других институтов ЛОКА.

В пространном докладе о романе М. Шолохова директор ЛИЯ ЛОКА т. З. Лозинский, охарактеризовав многочисленные достоинства «Поднятой целины», подчеркнул необходимость раскрытия и тщательного анализа тех явлений, которые допускает художником. К ним З. Лозинский отнес какую-то двойственность образа Нагульнова, однообразие изображения женщины в колхозе, наглядное изображение рабочего Кондратюка, местами чрезмерно натуралистичность ряда эпизодов.

В дискуссии принял участие т. Камегулов, проф. Слободянский, К. Канев, В. Серебряков (экономический институт), Ральцевич (философский институт).

М. Слонимский закончил новый роман о ленинградской оппозиции. Название его — «Степь» — автор не огласил. Но недавно М. Слонимский на дискуссии об его творчестве, организованной ЛИЯ ЛОКА, сделал интересное сообщение об этом романе.

«Я считаю, — заявил т. Слонимский, — что целая полоса жизни нашей страны почти отсутствует в литературе. Я мечтаю в виду восстановления этого периода.

Ни один из моих старых героев не смог «выжить» в новой романе. Все они «отстаивались», выпали. В романе берется весь круг среднего ленинградского «командного» партийного состава. По возможности я старался дать по всем линиям полную картину того времени, всю картину эпохи подготовки к реконструктивному периоду и входа в него. Такова подоплека вещи, ее канва.

Я старался возможно меньше рассказывать и возможно больше исключать. Я оторвался в сторону всякого «ископательства». Эти я грешил в прошлом: если мне не удавался образ того или иного персонажа, плохое описание его психологии.

Наконец, в новом романе я поставил преодолеть по мере своих сил обширный недостаток наших произведений — схематизм. В известной степени схематичность наших произведений и объясняет тем, что в них выпадают обстоятельства, существенные события приходят как-то боком, часто читатель не может понять, откуда явился тот или другой герой».

ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ

В Ленинграде закончилось областное партийное совещание по истории заводов. В совещании участвовали такие писатели К. Федин, Ю. Тинянов, Ю. Либенский и др. — Я принадлежу к числу тех людей, — сказал в своем выступлении К. Федин, — к которым больше всего относится брошенный на совещании упрек о недостаточном внимании писателей к делу создания истории заводов.

Работа над историей заводов ставилась три группы авторов: рабочего, писателя, историка. Указывая, что ведущая роль в литературном оформлении томов истории должна принадлежать писателю, К. А. Федин заканчивает свою речь призывом к писателям, работающим над историей, энергично продолжать работу, а тем, кто еще не включился, немедленно взяться за эту ответственную политическую работу.

Ю. Тинянов в его выступлении на партийном совещании подчеркнул, что роль писателя не сводится лишь к обработке того, кем-то собранного материала. Писатель должен и собирать материал, быть полноценным автором истории.

— На партийном совещании практические коммунисты, ряды писателей, историков и рабочих-авторов, — указал затем секретарь ЛК ВКП(б) А. И. Угаров, оценивая выступление крупных представителей советской литературы.

Совещание послало приветствие тт. Сталину, Кагановичу, Кирову и М. Горькому.

О ЧЕМ ГОВОРИТ И ПИШЕТ ЧИТАТЕЛЬ

Безвозвратно прошло то время, когда можно было говорить о взаимоотношениях писателя и читателя, характеризовать его словами «Писатель пописывает, читатель почитывает».

Наш читатель не только «почитывает». Возьмем к примеру ГИХЛ. ГИХЛ получает большое количество писем-отзывов, индивидуальных и коллективных от читателей. На первом месте среди этих активных читателей стоят рабочие. За рабочими идут колхозники и учащиеся. По данным ГИХЛ — 80 процентов всех отзывов на произведения Новикова-Прибоя исходят от рабочего и колхозного читателя. Исключительно активны пролетарского и колхозного читателя в реагировании на художественную книгу несомненно.

Писут люди всех возрастов — от 12 до 60 лет. Особенно активна молодежь. Так, из данных отзыва о Новикове-Прибое 77 процентов составляют читатели в возрасте до 25 лет.

Кого больше читают

Если судить по отзывам читателей и по данным некоторых библиотек, обследованных которых в последнее время было произведено ГИХЛ совместно с оргкомитетом ССП, рабочие, колхозники, учащиеся (основные кадры читателей) больше всего читают произведения М. Горького, Новикова-Прибоя, М. Шолохова, Серафимовича, Фадеева, Панферова, А. Караваева, Фурманова. Хорошо читают и много спрашивают Б. Лавренева, М. Иванова, Леонова, А. Толстого, В. Катаева. Также Лавров, Гладкова, Бахметьева, Ставского, Горбунова, Свироского.

вают и читают Фадеева («Последний из удег»), Панферова («Бруски»), Замосского («Ланти»), Горбунова («Ледолом»), Пермитина («Капкан»). Книги с индустриальной тематикой читаются здесь гораздо слабее.

Познавательное значение книги

Многие читатели в своих письмах указывают, что художественная книга помогает им обобщать общественные явления, познать прошлое и настоящее, лучше разбираться в событиях и людях.

Говоря о Цементе, один из читателей пишет: «Лядкову удается художественное обобщение, которое превращает отдельный момент в наш общий бытие в явление общего значения». О книге того же автора «Старая секретная» работница трикотажной фабрики пишет, что она очень хорошо освещает период реакции после революции 1905 года.

Работница 28-м лет о «Полводниках» Новикова — Прибоя пишет: «Книга дает понять читателю, каким должен быть человек, строящий новую жизнь, не считающийся с обстановкой, не хныкающий на каждом шагу, а здоровый и бодрый». Прочитав «Поднятая целина» Шолохова, работница Трехгорной пишет: «Вся колхозная механика мне стала ясной по этой книге».

Многочисленные и сочувственные отзывы получены об «Истории моей жизни» Свироского. Авторы этих писем подчеркивают, что благодаря ей они познакомились с положением угнетенных национальностей в старой России. Наряду с этим она помогла им осмыслить свою жизнь. Рабочий судостроительного завода им. Марти сообщает: «Книга Свироского замечательна тем, что его судьба — судьба тысяч пролетарских детей».

Комсомолец Райгородский о «Минуте смерти» Ляшко: «Книга эта ценная. Она дает представление о прошедшем царстве капитализма в России, как тогда жил рабочий».

Чрезвычайно много отзывов, которые говорят о громадном значении художественной литературы в деле активизации читателя, мобилизации его сил как строителя социализма. Электромонтер Ив. Борш, 23-х лет пишет, что «после чтения книги «Вралом» Ляшко действительно откуда-то является энергия для борьбы, для желания подражать работе и энергии Шуры». Это хороший революционный документ, который учит нас, как бороться».

Рабочий-комсомолец 20-ти лет, прочитав «Бунт на корабле», пишет о Новикове-Прибое, что «он заставляет своего читателя моментами трепетать и закаляет из него твердого и непоколебимого бойца».

Крестьянин — библиотечкарь сообщает: «Во отзыв моих читателей: произведения Новикова-Прибоя — ладная той правдой, за которую борьются, зовут на борьбу, учат поборить врагов, говорят, что нужно прикончить с мировым империализмом, не считаясь ни с какими трудностями, так же драться умело и успешно, как дрался на фронтах гражданской войны».

Плотник 34-х лет с завода им. Войкова пишет о «Записках бойска» Свироского: «Она для меня охватила воду, сделала ее противной. Она меня заставила полюбить человечество. Книга «заменяет» десятки и сотни лекций об алкоголе». Она «разрушает под ногами почву индивидуализма и заставляет мириться с современными трудностями».

ше участвовать в общественной работе, и я теперь много участвую».

Много похвальных отзывов о «Тихом Доне» Шолохова. Колхозник колхоза им. Коминтерна (ЦК) пишет в коллективном отзыве: «Мил, колхозники, остались очень довольны автором, так как Шолоховым книга написана очень простым, понятным для нас языком и довольно-таки художественно. Читали мы ее не один раз, книга эта переходит из рук в руки по ряду колхозников».

«Сот» Леонова вызвала самые разнообразные отклики. Но все они сходятся на том, что это значительное произведение, затронувшее крупнейшие вопросы строительства и борьбы с остатками старого затахлого мира. Имеется ряд отзывов с чрезвычайно интересным и вдумчивым разбором содержания «Сот». Следует остановиться на недостатках «Сот», отмеченных в ряде отзывов. Указывается, что Леонов мало знаком с жизнью рабочих, и что он не дал показана на строике организующей роли ячейки и профсоюза, нет показа организованного партийного руководства строительством. Сузаны — не живой человек, и «страсть к ней улавливается — мертворожденная, выдуманная».

Некоторые жалуются на конец «Сот»: «Стройки, стройки, а чем дело кончилось, неизвестно». Жалуются на трудный язык и на «фриз заковыристых фраз». Наряду с этим указывают, что Леонов — большой знаток людей, внимательный толкователь их противоречий. Прекрасные, горячо сочувственные отзывы о «Стране родной» Артема Веселого. Они говорят о богатстве тематики, о красочности и понятности языка.

Из отзывов о «Разбеге» Ставского интересен отзыв летчика, бывшего крестьянина: «Ваш «Разбег» дьявольски действует на ту стру-

ку чувства, которая поднимает дух, порождает бодрость, пробуждает злутер руку, ринуться в деревню, к мужикам, и вместе с ними переживать... радоваться... и драться за настоящее будущее».

Как правило, о стихах пишут мало. Но вот отзыв о Безымяном, показывающий, как поэт может мобилизовать чувство и волю трудящихся. Рабочий Люберецкого завода Андрей говорит, что после чтения произведения Безымянного «краю поднимается затахлый и бодрость, стараешься сам еще с большей силой участвовать в строительстве социализма».

Эти отзывы и письма читателей говорят о громадной и все возрастающей роли писателя, который через художественное творчество включается в ряды активнейших строителей социализма.

Но исключительное значение художественного произведения требует и исключительной ответственности самого писателя. Перед писателем встает вполноте огромная важная задача — учиться писать для миллионов.

Какая книга нужна?

На этот вопрос рабочий-саесарь 19-ти лет, подчерпывая крайнюю заботу, отвечает: «Я читаю только те, которые бы могли мне кое-что дать, которые бы были наиболее злободневными, в которых я нашел бы подтверждение моей удальной работе, в которых я мог бы увидеть сильные, несоколебимые, закаленные большевистским духом коммунистов, те книги, которые подтверждают твои взгляды и разжигают любовь к новой стройке, к политике партии большевиков. Чтобы в этих книгах я мог видеть и переживать то, что я вижу и переживаю у себя на заводе, чтобы

Мысли о мастере

Начало статьи см. на странице 1

широким своим даже относительным подготвенным рабочим и крестьян. Необычайная ясность изложения, свойственная тов. Сталину, не сопровождается вульгаризацией. Он не снижает того, что он говорит. В этом смысле можно сказать, что и художник должен стремиться к наибольшей общедоступности, что умение, не снижая всей полноты своего содержания, стать общедоступным — это умение огромного значения.

Однако отсюда нельзя делать того вывода, что мастера художественной литературы должны держаться обязательно уровня общедоступности. Если бы мы стали на эту точку зрения, что все то, что пишут наши мастера, должно быть обязательно доступно начинающему читателю, то, конечно, оказалось бы, что добрая половина наиболее выдающихся произведений были бы слишком трудны для Дедо, однако, в том, что мы должны мы должны осознать и переделать, сам по себе сложней и трудней. Он требует для своего освоения громадной пирамиды организованного познания. Сегодняшний начинающий читатель завтра будет продолжателем. Наши массы выйдут из себя передовком, да и во всем своем целом устремляются со ступени на ступень вверх к более сложному и трудному. Поэтому, признавая громадную важность самой большой относительной простоты, мы не должны забывать, что и в области сложности замысла, богатства содержания, надо прямо сказать, что этой сложности замысла и этим богатством содержания вовсе не обязательно жертвовать простотой.

«Жизнь Кинма Самгина» написана относительно чрезвычайно просто, но эту простоту приходится признавать только пропорционально громадности замысла. Что было бы, если бы, желая быть простым, Горький в изложении притом же интеллигентом прошлого заставил бы из простого говорить на языке, доступном самому малокультурному читателю? Всякому ясно, что это была бы огромная ошибка.

Итак, мастерство заключается в полнейшей адекватности формы содержанию и, стало быть, в величайшем уяснении данного содержания. Ити дальше этого и снижать содержание — это значит идти вопреки здравому смыслу, истинным интересам масс, прямым указаниям Ленина. Это значило бы вступить на путь ложной простоты и писать вульгаризуры.

Однако еще более страшным врагом мастера, чем ложная простота, является ложная сложность. Ложная цветистость, ложная замысловатость, ложная сложность, ложная вычужденность, ложная поверхность декоративности, блестящее произведение, называемое мастерами, но к то называет их мастерами? Люди, у которых уже выработано чувство содержания, которые живут формой.

Мы говорили выше о том, как молодой класс и молодые авторы должны бороться за форму, соответствующую уже имеющемуся у них содержанию. Ну, а старые классы и старые авторы очень часто, напротив, теряют уже всякое живое содержание, теряют реальное движение вперед, заменяют его разными формальными фокусами.

Минимальная краснота взаимной адекватности содержанию может появиться от разных причин. Она может появиться потому, что автор не в совершенной ясности усвоил себе «свое» содержание. Образы да него самого еще расплывчаты. Благодаря этому оказывается расплывчатый, перегруженный и тот же созданный им мир, каким является художественное произведение. Но выходящая за пределы содержания, ложная краснота может появиться и сама по себе, в результате свойственного эпохе формализма. Формализм, как мы уже сказали, свойственен эпохам упадка, но, например, в наши дни мы имеем одновременно упадок, но буржуазии и стремления вперед пролетариата. Упадочная буржуазия создает формалистическое искусство. Стремящаяся вперед пролетарият должен был бы всячески избегать этого, но, будучи молодой

длин и неопытны, пролетарские художники попадают под буржуазное влияние. Им кажется, что если они просто передадут то, что они видели, слышали, думали, чувствовали, то их упрекнут в недостаточной художественности. Им кажется, что такое их произведение покажется готам и бедням по сравнению с расцветающими рядом формалистскими маховыми: цветами.

Такие авторы не понимают того, что они не приближаются к мастерству, а отходят от мастерства. Мера того, как они делают своей известным и замысловатым свой слог.

Я позволю себе привести некоторые примеры. Возьмем, например, роман Шолохова «Поднятая целина». За исключением очень небольшого количества неудач (такие неудачи можно найти даже у великих мастеров) произведение Шолохова является мастерским. Оно большое, сложное, полное противоречий и рвущееся вперед содержание одето здесь в прекрасную словесную образную форму, которая нигде не отстает от этого содержания, нигде не урезывает, не обесцвечивает его и в то же время не притупляет заслонять всею какою-нибудь дырой или пробелом в этом содержании.

Роман т. Панферова «Брусничная земля» весьма значительная. Он изображает приблизительно те же явления, с глубоким коммунистическим пониманием, с настоящей пролетарской страстностью. Однако, когда читается третья часть этого романа, кажется, что иногда невольно различаются описываемые явления, черты действующих лиц. Дело заключается лишь в том, что т. Панферов старается сделать свое изложение более выразительным, вероятно, как он думает, более художественным. Он как будто боится, что про его роман скажут: да это едва прикрытая публицистика или, в сущности говоря, простой большой очерк. Он как будто не хочет понять, что если ему удалось вложить свое содержание в живые образы, то этим самым он победил такие возражения, отбросил их. Нет, ему кажется, что надо понизыжнее выразить, найти какие-то новые словечки, новое синтаксическое содержание.

Плохо обстоит дело с романом «Энергия» Гладкова. Он чрезвычайно важен по тем, не меряя, чем два предыдущих романа. Он задуман, прочувствован чрезвычайно ясно, искренностью здесь с огромной силой, искренностью старается изобразить нам людей на великой стройке вместе с их внутренним содержанием, не только

3. Об учениках и подмастерьях

Во всякий становится мастером, но всякий прежде чем стать мастером, должен быть учеником и подмастерьем. Существует мнение, что пока писатель является учеником, пока он является подмастерьем, ему не нужно печататься. Это мнение, которое, как правило, имеют авторы, например, Флюбер и Мопассан, кажется мне социально неправильным для нас.

Очень часто начинающий писатель в нашей среде, выходя из начальной трудовой массы, несет с собой чрезвычайно новое и острое содержание. Допустим, что он еще не может выразить его в адекватной форме. Он выражает его еще ученически. Это ничего. Его будут критиковать, и он на этой критике научится. Но социальный выигрывает от его произведения в общении все-таки талант. Произведения подмастерьев можно считать огромное количество фактически выходящей литературы. Мастерское произведение — это ведь не так что полагается плод. Перед мастерским произведением критика обыкновенно немеет. Мастерское произведение становится образным, разумеется, образным, но несовершенным. Опыт иногда оказывается недостаточно глубоко. Не охватывая связь вещей между собой в пространстве и времени. Он иногда передает не в адекватной фор-

му человека, мир, природу, общество. И выполнение того, что было недоступно Гете.

«Я встречаю иногда юношей настолько совершенных, что не хочется в них ничего заменять или улучшать, но мне становится за них из них страшно, так как между ними вижу вполне способных плыть с потоком времени; и вот эти желают бы постоянно обрабатывать, выжимать из них, да и то человеку иному, да и то дано кормовое ведро, чтобы он в своей утлой лодке не отвалился произволу волн, а руководил бы им согласно собственным убеждениям». Так писал Гете, не будучи в силах выразить из гниющей Германии, из Веймара, из филлистерского болота.

М. Горький — через столетие — дал мировой литературе другой тип писателя, другой тип мастера, заменяющего мир, воздействующего на него, борющегося и действующего. М. Горький был исторически новым типом писателя, ибо он представлял класс, задачей которого было уничтожение классового общества. Фауст, Прометей, Мейстер выражали на основе частной собственности. Горький создавал свое искусство в борьбе со строем, основанном на собственности. Мастерство его, руководимое верной концепцией и действием революционной идеей, идущее по гетевскому пути теснейшей слитности идеи и образа, было в то же время исторически новым мастерством. Горький учился и учится у жизни, его руки — на пульсе современности, сам он — на передовых позициях жизни.

М. Горький — художник-борец, художник-революционер, художник пролетариата.

12 августа 1883 г. Вера Фигнер написала своей сестре Юлье письмо, несколько строк в котором посвящено Гете «В области чистой поэзии и пробыл Гете, не спускаясь в мутные волны политиче-

Рис. А. КОСТОМОЛЦКОГО

ко в их общественной деятельности, но и в их интимных пружинах. Конечно, это высокая и важная задача. Но этот роман нельзя читать без досады: т. Гладков буквально не скажет в последнем издании слова, а все с уязвкой. Он совершенно неправильные обороты и парадоксальные образы в конце концов неизменно утомляют читателя.

Я советую сделать такой опыт: взять и перевести какую-нибудь страницу из этого романа, особенно там, где идет сложный, «умный», разговор, на русский язык. — На таком, каким говорят между собой более или менее культурные люди. Вы сразу почувствуете, что страница сделана проще, приятнее, приемлемее, но, увы, ни нежности, ни остроты, что умные разговоры вдруг скандализируются банальностью. При переводе на простой русский язык в романе Гладкова очень и очень многое становится банальным.

Я высказал здесь лишь некоторые мысли о мастерстве. Вся система мысли о мастерстве, так сказать, теория мастерства, хотя бы, скажем, теория литературного мастерства, есть задача огромной важности и огромной сложности. Вероятно, ее можно выполнить только коллективно. Но, во всяком случае, у меня лично имеется несравненно больше мыслей о мастерстве, чем то количество, которое я сейчас высказал.

Мы еще непременно вернемся к этому к этой теме. Надо, например, постараться обязательно уяснить отношение мастерства к новаторству. Отношение мастерства к метафорам. У нас сейчас об этом ведут споры: один говорит, что метафора не нужна, а в новаторстве. Он пишет уже готовым хорошим, крепким, классическим языком. Другой утверждает, что мастерство является только новатор, ибо тот, кто не вносит новых форм, тем самым показывает, что он не вносит и нового содержания. Какой же это мастер?

Один говорит — писать как можно проще — это значит писать без метафор, давать основной отчетливый рисунок. А другие говорят — это значит оголять литературу. Метафора есть естественное дитя нашего образного мышления, и отказываться от нее — значит осудить себя на наготу и убожество.

Об этих проблемах и некоторых других мы еще поговорим в «Литературной газете».

Особое удовольствие доставило бы нам, если бы на нашу мысль откликнулись мысли других критиков и писателей. Мы ведь и сами откликаемся здесь на то, что услышали от других.

О НОВОМ ТИПЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Б. Пильняк

— Откройте «Войну и мир». Роман начинается рассуждением о международной политике. Если мы проанализируем это рассуждение, равно как и все последующие страницы романа, то увидим, что Гоголь, чтобы вывить заданные в его героях инстинкты и принципы, их стимулирующие, то увидим, что толстовские герои наделены инстинктами, которые я назвал бы инстинктами феодальными. Такие инстинкты были свойственны и самому Толстому.

Что я хочу этим сказать? Прежде всего то, что наши советские писатели страдают, с моей точки зрения, одним пороком: оперируют коммунистической терминологией, они в то же время работают в своих произведениях на инстинктах, если не феодального, то, во всяком случае, мелкобуржуазного порядка.

Социалистический писатель, писатель страны социализма, писатель должен быть руководим инстинктами социалистическими. В этом и вижу отличие его от писателя эпохи, предшествующих социализму.

А потом — социалистический писатель обязан быть грамотным: он должен в совершенстве владеть писательским мастерством. Недостаток грамотности — тоже один из наших пороков.

Мы все читали «Поднятая целина». Роман, несомненно, значительный, ценный, с точки зрения той темы, на которую он написан. Он читается с большим интересом. Но все «литерические отступления» автора, главным образом его описания природы и история Шукшара, выпадают из общей архитектурной конструкции. Почему? Потому, что Шолохов взял форму классического русского романа, который строился, как известно, по принципу идеалистического мышления. «Поднятая целина» — социальный роман боль-

шего напряжения, и потому все описания природы, написанные идеалистически, и индивидуальная судьба Шукшара представляются мне в этом романе ненужными. Автору надо знать ткань материала.

Преодолев культурным наследием прошлого, надо его применить к современным требованиям. Точно так же и западную культуру надо не механически перенести к нам, а, участв на ней и критически освободив ее, обогатить свой опыт в соответствии с теми задачами, которые стоят перед социалистическим писателем.

Даниэль Дефо, автор «Приключения Робинзона Крузо», написал свой роман, сидя у себя в кабинете. Должны ли мы разрезать по всем концам Союза, чтобы написать роман о заводе?

Думаю, что для писателя это не обязательно. И в Москве достаточно крупных фабрик и заводов, для того чтобы написать так называемый индустриальный роман. Нет необходимости ездить для этого в Магнитогорск. Вопрос не в том, о каком именно заводе, а как написать произведение.

А это уже вопрос дарования писателя. Каждый должен писать по-своему. Хорошо, когда Пушкин не похож на Шекспира, а Гоголь — ни на Шекспира, ни на Пушкина, ни на В. Иванова. Полагаю, что и писатели будущего будут ценны, когда будущий социалистический Пушкин не будет похож на социалистического Шекспира, т. е. будет индивидуальным. Социализм — вообще расширение индивидуальных талантов.

Нужно, чтобы социалистическим писателем управляли социалистические инстинкты. Остальное приложится.

Несколько лет назад я задумал написать большой роман «Океан», посвященный жителям Ледовитого океана. Я посетил семь островов, подробно изучил материал, предварительно написал несколько очерков-корреспонденций для «Известий». Только через четыре года, когда я пришел к писательскому столу и основательно засел за роман...

В прошлом году в ГИХЛ вышла моя книга «Полярники» (о работе радиостанции на полюсовое Ямал). И здесь мне пришлось основательно изучить материал — я дважды был на Новой Земле.

Сейчас я работаю над романом «Недра ветров» — о большом Урале (Магнитогорск, Ураляши и др.). Несмотря на то, что я жил на Урале,

да, знаю старый и новый Урал, вестники вновь тула пошел. Теперь я поехал изучать детали Урала, это же повторю и текущим летом. После каждой поездки я вез черновики, записки, набросал черновики романа. Когда я овладею всем материалом в совершенстве, только тогда примусь окончательно за роман.

К чему я привел эти три примера из своей творческой практики? Страна строящегося социализма изменила и тип, и профил писателя. Советский писатель вышел из своего кабинета. Ему давно стали тесны рамки его комнаты и кабинетного стола.

Может ли советский писатель остаться равнодушным наблюдателем этой гигантской стройки? Нет, не может. Он участник борьбы и строительства.

Конечно, писатель должен ехать и на заводы, и на новостройки, но не как гость-гастролер. Собрать и изучить материалы для большого произведения — это значит жить на строительстве, это значит изучать нового человека на стройке, продвигая, как изменяется его психика, новые взаимоотношения людей. Для этого на наших новостройках надо побывать и пожить несколько раз, изучить, как идет начало строительства, как на стройку приходят люди из деревни, как они растут параллельно со строительством. Изучив предмет, писателю надо на время отойти от него и, постепенно овладев материалом, настроенным, создавать большое художественное произведение, пользоваться изученными деталями. Иначе получится фактография, бытовизм.

Язык писателя должен быть строгим, четким, чтобы он воспринимался легко, чтобы читатель при чтении книги как бы его не замечал. Это язык классиков. Художественное произведение должно быть организовано как архитектурное сооружение. Все части произведения должны быть подчинены одному целому — идее.

Некоторые наши писатели еще не усвоили термина — простота в литературе. Они рассматривают простоту как примитив и в своем творчестве начинают с примитива, суровости (напевности во фразе, в образе, сравнении). Надо не принимать язык, не соскучая, а стремиться к доступной художественной простоте.

Наша страна выдвигает новые темы перед писателем, ставит перед писателем проблему творческой простоты. Это задачу писатель может реализовать, только включившись в практику социалистического строительства, борьбу рабочего класса за построение бесклассового общества.

Заметки читателя

Ближе к действительности

За год после постановления ЦК советская литература проделала большую работу.

Писатели приблизились к советской действительности, изучая ее глубже и шире... Целый ряд произведений свидетельствует об этом, и среди них не последнее место занимают «Клиники и тачанки» Н. Тихонова.

Что прежде всего привлекает внимание в этой книге? Любовь автора к описываемому предмету. Автор сам говорит: «Я люблю Красную армию. Она — являя нового человечества. В ней нет лжи. Она — армия революционного искусства». И автор рассказывает правду об «армии нового человечества».

Любовь к описываемому, правдивость и простота изложения — вот что характерно для книги Н. Тихонова. Образы бойцов-пулеметчиков Ловцова, Кайдаклова, Найдена с их вооружением и радостью, правдивой и простой радостью его победы. «А мы, Римушки, тоже не подкачали», — говорит Ловцов своему коню. Сколько чувства в этих простых словах. Простота обрисовки поражает. В правдивости трудно усомниться. А «сний» командир Трушко? Это он с температурой 38,5 пошел на маневры.

«Этот такой человек, за которым идут до конца», — говорят про него. Вы чувствуете, что и сами поплы бы за ним до конца.

А комбат Ефремов? А красноармеец Алла-Верды? Отряд делал героический переход через горы. Отряд на краю гибели. Эти люди своей выдержкой и находчивостью спасают отряд...

Даже там, где, речь идет о далеком прошлом, о старой парской армии, поражает нас простота изложения, художественная сила автора и большое знание предмета. Как бы милоходом бросает автор сравнение нашей армии со старой, командира Трушко — с полковником Люце: раньше требовалось, чтобы солдат при стойке не дышал, как бойцы у командира Трушко свободно дышали. Как много это сравнение раскрывает.

«Современный бой требует веры в свое дело, сознания, находчивости, бесстрашия, классовой выдержки, и технических знаний... Командир Трушко не надо было снисходить к бойцам по лестнице чиновничества. Они были из одного с нами теста. Они были братьями по классу». В этом великая сила нашей армии. Это бесстрашие, выдержка, безавзветную преданность делу своего класса, это единство командира и бойца показало Тихонов. В этом его большая победа...

Напряженные драматические моменты разряжаются смехом. Здоровые, заражающим смехом. «Клиники и тачанки» — хорошая книга.

Писатель понял: если он хочет быть действительным бойцом за социализм — нужно писать книги, доступные широким трудящимся массам.

Н. ЛЕДНЕВ
Урал. Куртамыш.

С. Динамов

ТИП ПИСАТЕЛЯ или „МАСТЕРСТВО“

Настоящий художник — это человек большой жизни. Мысль, заряженная всем богатством действительности, и действительность, вооруженная мыслью, — вот его сила. Белинский определял «Фауста» как синтез всей философии эпохи Гете. Не есть ли это высший похвала художнику? Ее достоин Гете. «Во всяком художественном произведении, большом или малом, все до мельчайших подробностей зависит от концепции», говорил он. Это было раскрытием творческой активности художника. Творчество его было именно «концептуальным», оно всегда было охватывало объективно, общим заданием, главной мыслью. Гете впитал в себя всю культуру своего времени, он, как Геттингер, был ученым, и он, как Гете, был художником. Он записывал своим дневником вечером 23 апреля 1787 года:

«Море здесь наносит только известковые валуны; тут нет ни кварца, ни роговика. Я рассматривал маленькие реки: Кальта-Беллота и Маказоли наносят тоже известковые валуны, желтый иррамор и кремни, вечные спутники этих благороднейших известков. Немного кусочков лавы обратили на себя мое внимание, но я не предположил здесь ничего вулканического. Это писал ученый, для которого камни были чудеснейшей повестью в жизни земли.

он был художником цвета, растением (вспомните его метаморфозу растений), минерала, заката, восхода, зари и тумана. Он разлагал мир на мельчайшее и воссоздавал его в монументальное, что вздымается через века и обстает в веках. Он был чужд абстракций, его мысль была влаяна в образ. Эти образы держались концепцией, они были частями широкой картины мира, они несли в себе жаркий металл идей, они никогда не были сухими и тшесдушными. Фауст отрицает схоластическую науку — образ Вагнера ее воплощает. Фауст бросается в водоворот чувственности — Вальпургиева ночь и погреб Ауэрбаха дают конкретное выражение низменности чувства, образцы только и чувственное. Фауст жаждо приникает к античности, но она прошлое, его путь — в будущее, гармония — невозможна: поэтому вспыхивает образ Елены и гибнущего сына Елены и Фауста. И так всегда и во всем.

«Задача поэта — в изображении. Высшим изображением можно назвать то, которое может войти в соревнование с действительностью, т. е. если оно настолько живо, что становится очевидно каждому. На самой высшей вершине своей поэзии вся кажется внешней, но чем более уходит она во внутрь, тем сильнее ее падение вниз. Та, которая изображает внутреннее ощущение, не воплощая их внешне, и та, которая не дает внешнего, это две последние ступени, к которым поэзия вступает уже в житейскую повседневность». (Изречения в

прозе). Замечательные слова! В них — весь опыт настоящего искусства. «Чем больше поэзия уходит во внутрь, тем сильнее ее падение вниз». Это значит, что крепость искусства заключается в связи с жизнью. Чем глубже раскрывается мир идей и чувств, тем прозрачнее становится мир, чем яснее лицо человечества — тем сильнее в свою очередь искусство корнями в свою основу — в жизнь, тем необходимее для образа живая сила существующего. Виснее без внутреннего и внутренне без внешнего — вот опасность, от которых предостерегает мудрость художника. Знание мира, познание людей, связь с действительностью — вот верная почва искусства. «Мои пробный камень для всякой теории остается практика».

Но свет блеснул, и выход вижу я. В деянии начало бытия. «В деянии начало бытия». Но Гете же под дуллаем небом Веймара, но Гете был филлистером, не смотря на свою гениальность, но широта его творчества была славная и изуродована гниющей и разлагающейся Германией. Огромное мастерство художника было отравлено зловоном этого разложения. Очень многому нужно учиться у Гете. Не нужно у него учиться, как действовать, как жить, чтобы слово было делом.

И через столетие — другая жизнь художника. Такая же жизнь к жизни. Такая же концептуальность. Тот же млекопитающий металл образцов. Такое же стремление узнать

С. Динамов

ТИП ПИСАТЕЛЯ или „МАСТЕРСТВО“

человека, мир, природу, общество. И выполнение того, что было недоступно Гете.

«Я встречаю иногда юношей настолько совершенных, что не хочется в них ничего заменять или улучшать, но мне становится за них из них страшно, так как между ними вижу вполне способных плыть с потоком времени; и вот эти желают бы постоянно обрабатывать, выжимать из них, да и то человеку иному, да и то дано кормовое ведро, чтобы он в своей утлой лодке не отвалился произволу волн, а руководил бы им согласно собственным убеждениям». Так писал Гете, не будучи в силах выразить из гниющей Германии, из Веймара, из филлистерского болота.

М. Горький — через столетие — дал мировой литературе другой тип писателя, другой тип мастера, заменяющего мир, воздействующего на него, борющегося и действующего. М. Горький был исторически новым типом писателя, ибо он представлял класс, задачей которого было уничтожение классового общества. Фауст, Прометей, Мейстер выражали на основе частной собственности. Горький создавал свое искусство в борьбе со строем, основанном на собственности. Мастерство его, руководимое верной концепцией и действием революционной идеей, идущее по гетевскому пути теснейшей слитности идеи и образа, было в то же время исторически новым мастерством. Горький учился и учится у жизни, его руки — на пульсе современности, сам он — на передовых позициях жизни.

С. Динамов

ТИП ПИСАТЕЛЯ или „МАСТЕРСТВО“

человека, мир, природу, общество. И выполнение того, что было недоступно Гете.

«Я встречаю иногда юношей настолько совершенных, что не хочется в них ничего заменять или улучшать, но мне становится за них из них страшно, так как между ними вижу вполне способных плыть с потоком времени; и вот эти желают бы постоянно обрабатывать, выжимать из них, да и то человеку иному, да и то дано кормовое ведро, чтобы он в своей утлой лодке не отвалился произволу волн, а руководил бы им согласно собственным убеждениям». Так писал Гете, не будучи в силах выразить из гниющей Германии, из Веймара, из филлистерского болота.

М. Горький — через столетие — дал мировой литературе другой тип писателя, другой тип мастера, заменяющего мир, воздействующего на него, борющегося и действующего. М. Горький был исторически новым типом писателя, ибо он представлял класс, задачей которого было уничтожение классового общества. Фауст, Прометей, Мейстер выражали на основе частной собственности. Горький создавал свое искусство в борьбе со строем, основанном на собственности. Мастерство его, руководимое верной концепцией и действием революционной идеей, идущее по гетевскому пути теснейшей слитности идеи и образа, было в то же время исторически новым мастерством. Горький учился и учится у жизни, его руки — на пульсе современности, сам он — на передовых позициях жизни.

С. Динамов

ТИП ПИСАТЕЛЯ или „МАСТЕРСТВО“

человека, мир, природу, общество. И выполнение того, что было недоступно Гете.

«Я встречаю иногда юношей настолько совершенных, что не хочется в них ничего заменять или улучшать, но мне становится за них из них страшно, так как между ними вижу вполне способных плыть с потоком времени; и вот эти желают бы постоянно обрабатывать, выжимать из них, да и то человеку иному, да и то дано кормовое ведро, чтобы он в своей утлой лодке не отвалился произволу волн, а руководил бы им согласно собственным убеждениям». Так писал Гете, не будучи в силах выразить из гниющей Германии, из Веймара, из филлистерского болота.

М. Горький — через столетие — дал мировой литературе другой тип писателя, другой тип мастера, заменяющего мир, воздействующего на него, борющегося и действующего. М. Горький был исторически новым типом писателя, ибо он представлял класс, задачей которого было уничтожение классового общества. Фауст, Прометей, Мейстер выражали на основе частной собственности. Горький создавал свое искусство в борьбе со строем, основанном на собственности. Мастерство его, руководимое верной концепцией и действием революционной идеей, идущее по гетевскому пути теснейшей слитности идеи и образа, было в то же время исторически новым мастерством. Горький учился и учится у жизни, его руки — на пульсе современности, сам он — на передовых позициях жизни.

С. Динамов

ТИП ПИСАТЕЛЯ или „МАСТЕРСТВО“

человека, мир, природу, общество. И выполнение того, что было недоступно Гете.

«Я встречаю иногда юношей настолько совершенных, что не хочется в них ничего заменять или улучшать, но мне становится за них из них страшно, так как между ними вижу вполне способных плыть с потоком времени; и вот эти желают бы постоянно обрабатывать, выжимать из них, да и то человеку иному, да и то дано кормовое ведро, чтобы он в своей утлой лодке не отвалился произволу волн, а руководил бы им согласно собственным убеждениям». Так писал Гете, не будучи в силах выразить из гниющей Германии, из Веймара, из филлистерского болота.

М. Горький — через столетие — дал мировой литературе другой тип писателя, другой тип мастера, заменяющего мир, воздействующего на него, борющегося и действующего. М. Горький был исторически новым типом писателя, ибо он представлял класс, задачей которого было уничтожение классового общества. Фауст, Прометей, Мейстер выражали на основе частной собственности. Горький создавал свое искусство в борьбе со строем, основанном на собственности. Мастерство его, руководимое верной концепцией и действием революционной идеей, идущее по гетевскому пути теснейшей слитности идеи и образа, было в то же время исторически новым мастерством. Горький учился и учится у жизни, его руки — на пульсе современности, сам он — на передовых позициях жизни.

Кадрьы

На днях исполнилось двухлетие работы редакции «Огонька» и «Библиотеки «Огонек» с рабочими-ударниками, призванными в литературу...

Собирались раз в десять дней. Читали. Обсуждали. После социального и литературного разбора вещи обсуждались так называемый знаменитый «второй пункт»...

Таким образом, одобренная вещь с теми или иными поправками или переделками в большинстве случаев печаталась.

Наряду с четкой готовых вещей на декадниках делились замыслами — это было особенно ценно...

Актив «Огонька» с первого дня своей работы взял установку на конкретное творчество. Приходить на декадники стало интересно тем, кто занимался творческой работой...

Интересен рост и смелая перестройка в процессе роста Исаака Зарубина. Он начал со стихов. В «Библиотеке «Огонек» вышла его первая книжка...

Значительные успехи проявил Николай Васильев. Свойственный ему скромная простота и мужественный тон...

Есть своеобразные поэты, не похожие ни на кого в активе и не похожие друг на друга — Е. Цигальничский и А. Филиппук. Их речь идет особенно своеобразно и неровно...

Филиппук очень удачно вводит в стих разговорную речь, новые разговорные интонации. Он умеет и хочет сблизиться с читателем...

Серьезное внимание обращает на себя Игорь Строгован. Весь его облик, его стихи и полубиографии...

Легко и сравнительно много пишет Е. Доматовский. Нельзя сравнить его стихи с тем, что он писал полтора-два года назад...

Это — общее положение. Только серьезное, глубокое, непосредственное участие в социалистическом строительстве может расширить и углубить тематику молодых советских писателей.

Кстати, это не имеет отношения к Доматовскому, но нельзя не отметить тревожно вообще к тому факту, что отдельные ударники...

Интересное явление представляет собой А. Фоломин. Сложность его стиха, перегруженность образами...

Недавно вышел роман Г. Никифорова «Единство». Какое же было мое изумление, когда я получил очередную книжку журнала «Новый мир»...

Золотые слова. В самом деле, наши толстые журналы не стали по существу только собранием начал...

Ставлю перед редакциями «Огонька», «Красной нови», «Звезды» и «Нового мира» вопрос: как сделать, чтобы каждый журнал имел свою физиономию...

Показал Б. Левину написанное выше. Он: — Нужно отметить опыт «Огонька»: вся третья часть «Врускова»...

В Москве, в Масловке, возмущается большой великолепный новый дом, населенный людьми одной профессии — художниками.

В «Огоньке» начали работать Семён Абольников и В. Бархатов. Абольников чутьем угадывает и старается найти литературные построения...

Актив ширится и растет. Пишут стихи, рассказы, пьесы, очерки, сценарии. Чувствуют потребность в более частых встречах...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

Из Записной Книжки

Недавно вышел роман Г. Никифорова «Единство». Какое же было мое изумление, когда я получил очередную книжку журнала «Новый мир»...

Золотые слова. В самом деле, наши толстые журналы не стали по существу только собранием начал...

Ставлю перед редакциями «Огонька», «Красной нови», «Звезды» и «Нового мира» вопрос: как сделать, чтобы каждый журнал имел свою физиономию...

Показал Б. Левину написанное выше. Он: — Нужно отметить опыт «Огонька»: вся третья часть «Врускова»...

В Москве, в Масловке, возмущается большой великолепный новый дом, населенный людьми одной профессии — художниками.

В «Огоньке» начали работать Семён Абольников и В. Бархатов. Абольников чутьем угадывает и старается найти литературные построения...

Актив ширится и растет. Пишут стихи, рассказы, пьесы, очерки, сценарии. Чувствуют потребность в более частых встречах...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

„ОКТАБРЬ“ НА „ШАРИКОПОДШИПНИКЕ“

Больше шести сот рабочих «Шарикоподшипника» собралось слушать «живой» отчет журнала «Октябрь». «Живой» в том смысле, что перед читателями выступили писатели...

Семь шарикоподшипниковцев — Лихтенберг, Фриндер, Качельнев, Борзов, Артамонов, Одноралов, Кудряшов — высказали свое мнение о журнале и его продукции.

Читатель доволен журналом. Печатающиеся новости, романы и рассказы читаются с интересом и оживлением...

На завод пришел бывший сезонник. Новая обстановка заставляет его задуматься над новыми вопросами труда и жизни. Он хочет посмотреть на себя через литературу...

«Можем ли мы поспорить из этих произведений опыт, который стал бы для нас более гибким и впечатлительным?» — спрашивает Клод Флаит в «Нью-Йоркере»...

«Вот Францино полагает не лучше, что доказывает один из номеров «Ле нувель литерер».

«Уже три года, как наши салоны страдают от кризиса, — пишет председатель Осеннего салона Фр. Журден. — Особенно жестоком был для нас последний год».

«Я люблю» — автобиографический роман Авдеева, магнитогорского машиниста, ударника, бывшего беспризорного, выпускается издательством «Советская литература».

«Сборник стихов, очерков и рассказов об авиации под названием «Красные крылья», выходит издательством МТП.

«Антология негританской поэзии «Африка в Америке», посвященная народной поэзии негров и творчеству отдельных крупнейших негританских поэтов (Л. Хьюз, Маккей и др.), дана в печать.

«Полная библиография по стиховедению, охватывающая все работы по стихосложению, начиная с XVI века по сегодняшний день, составлена М. П. Штокмар. Вступительная статья — Л. Тимощева. Книга выйдет в июле. Все перечисленные книги выходят в ГИХЛ.

В марте этого года Московское товарищество писателей командировано на Урал бригаду писателей Риховского, Фюхица, Дружинина и Полюнского. Два месяца бригада работала на заводе им. Молотова...

Первую книгу «Альманаха молодых писателей» подготовила к печати литконсультация изд-ва «Советская литература». В нем собраны лучшие произведения авторов-дебютантов...

«Совнарком Грузии постановил объявить среди писателей конкурс на лучшую театральную пьесу на грузинском языке (тема по выбору писателя). Установлены премии от 2000 до 5000 рублей. Срок представления пьес — 10 октября.

«МоЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1. С. Кирсанов — В огне гражданской войны. 2. С. Розанов — Иркинский Трактир. 3. В. А. Селезнев — Комсомольский паровоз. 4. Е. Тараконская — Метрополитен.

«ОКТАБРЬ» № 5 СОДЕРЖАНИЕ: Ив. Макаров — Черная шаль, роман. Ал. Черненко — Морина, повесть. М. БАЗАН — Цепанцы, стихотворение. М. Терещенко — Западная баллада, стихотворение. Ал. Исабах — Радость, роман. Беда Исабах — Богатырь, повесть. Беда Исабах — Богатырь, повесть. Беда Исабах — Богатырь, повесть.

«КРАСНАЯ НОВЬ» № 5 СОДЕРЖАНИЕ: А. Митрофанов — Сверхгидро (роман). Вл. Бухарин — Наступление (роман). Ал. Сурков — Проступление (стихи). Сергей Коудун — Р. З. (повесть). Б. Левин — Юноша (роман, продолжение). И. Деметриус — Два стихотворения. А. Фриш — Год (рассказ). Илья Сельвинский — Упущенное по Камчатке (стихи). Франческо Алдрэ — Из крестьянских поэм (стихи). Перелетел французского Евоэй (стихи). Мариэтта Шагинян — А. О. Грин. А. Грин — Последние рассказы. И. Васильев — Рассказ о шестом (стихи). Ив. Дремон — Девушка и цветы (стихи). Г. Томашовская — Июль (стихи). Сергей Пилипчук — Глаз (стихи). Ал. Фриш — Проступление (стихи). Л. Корнев — Германия (стихи). Герман Геринг. Дм. Малиновский — Подвиги целины и так называемое «спонсорство». Л. Мильковская — «Подвиги целины». Шолохова — А. Мингулла — «Очная ставка».

Литературные факты

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ПОЭТА СИДОРЕНКО В новой книге стихов Сидоренко, в беспорядке, двинулся вперед, расквашившись со многими ошибками ранней поры творчества.

Стихи, которые на днях поэт читал в клубе рабочего-автора, не ровные. Тема берется часто неглубоко, врывается риторика, нередко строки режут ухо недоработанностью, ритмика, часто однообразна.

Сидоренко выпускает седьмую книжку. Стихи Сидоренко, особенно лирические, привлекают внимание литкружковцев. Критика же еще не подвергала его творчество разгону разбору.

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

В работе оргкомитета отдела арктики — первая ласточка. И очень отрадана. М. Карпов добровольно взял на себя обязанности инструктора...

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РАБОТА М. ОЛЬМИНСКОГО СЛОВАРЬ ПО САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИНУ

По определению самого составителя (в предисловии), «Словарь представляет собой особый вид именного и предметного указателя к собранию сочинений Салтыкова-Щедрина. Но он тут же прибавляет, что ему «говорили, что это — не словарь, а щедринский энциклопедия».

Приходится только удивляться, как эта позитивная циклопедическая работа могла быть выполнена одним лицом. В русском литературоведческом источниковедении нет буквально ни одного примера реализации такого рода издания, хотя попытки (притом, коллективные) в аналогичном направлении предпринимались неоднократно. Достаточно указать на значительно меньшее по диапозону предприятие «Словарь литературных типов» Пушкина, так и оставшееся неосуществленным. Или можно сослаться на более близкую по типу к «Щедринскому словарю» затею — «Слов мисьяев Льва Толстого», эта работа давным-давно была начата...

составителя, и «впоследствии» словарем не раз использовался им. Мало того, по словам М. Ольминского, «брак его («Словарь») два раза и подлогу держал В. П. Кранихфельд, когда писал книгу о Щедрине; и действительно, достаточно лишь бегло просмотреть некоторые работы этого критика о Салтыкове, чтобы увидеть их зависимость (не идеологическую, конечно, а лишь в отношении материала) от «Щедринского словаря».

«Щедринский словарь» является еще одним ярким аргументом против традиционной (правда, уже достаточно пошолобленной) легенды о якобы «единственном» старинном марксистском критике — Плеханове: начинавшаяся также уже в 90-е годы литературоведческая деятельность М. С. Ольминского, наряду с другими его литературно-критическими работами, а также трудами на литературные темы: Леона, Воробовского и целого ряда литературных критиков, с неопровержимой достоверностью доказывает, что уже с той ранней поры против оппортунистического (с 1903 г., по крайней мере) литературоведения и искусствознания Плеханова партия выдвинула целую когорту критиков-большевиков.

«Щедринский словарь» является еще одним ярким аргументом против традиционной (правда, уже достаточно пошолобленной) легенды о якобы «единственном» старинном марксистском критике — Плеханове: начинавшаяся также уже в 90-е годы литературоведческая деятельность М. С. Ольминского, наряду с другими его литературно-критическими работами, а также трудами на литературные темы: Леона, Воробовского и целого ряда литературных критиков, с неопровержимой достоверностью доказывает, что уже с той ранней поры против оппортунистического (с 1903 г., по крайней мере) литературоведения и искусствознания Плеханова партия выдвинула целую когорту критиков-большевиков.

«Щедринский словарь» является еще одним ярким аргументом против традиционной (правда, уже достаточно пошолобленной) легенды о якобы «единственном» старинном марксистском критике — Плеханове: начинавшаяся также уже в 90-е годы литературоведческая деятельность М. С. Ольминского, наряду с другими его литературно-критическими работами, а также трудами на литературные темы: Леона, Воробовского и целого ряда литературных критиков, с неопровержимой достоверностью доказывает, что уже с той ранней поры против оппортунистического (с 1903 г., по крайней мере) литературоведения и искусствознания Плеханова партия выдвинула целую когорту критиков-большевиков.